

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA

VOL. III

Kentucky • Louisiana • Maine • Maryland
Massachusetts • Michigan • Minnesota • Mississippi

FERDINANDO FREGA

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA — VOL. III

L'ORÉAL THROUGH GILLETTE · 08

*Кентукки, Луизиана, Мэн, Мэриленд, Массачусетс,
Мичиган, Миннесота, Миссисипи. Третий отрезок
американского пути — от долины Огайо до дельты.*

Нулевая глава — общее начало

*Эта вступительная глава общая для всех шести томов
«Женщин Соединённых Штатов». Здесь она приведена
полностью и свёрнута, чтобы серию можно было читать
поряд, без повторов.*

НУЛЕВАЯ ГЛАВА

Здесь мир — не территория: это предел. Северный полюс не встречает, не прощает, не оставляет места для ошибки. Белое царит как абсолютная сущность, безмолвная и без памяти. Температура — не метеорологические данные: это хищник. Ночь длится месяцами, давит мысли, искажает очертания людей, поглощает их волю.

Общины немногочисленны, малы и замкнуты. Инуиты, юпики, арктические народы живут там, где никто не решился бы остаться. Здесь каждый человек необходим для выживания группы. Если ты не полезен, ты становишься обузой. А те, кто становится обузой, исчезают в тишине, в снегу, в логике среды, которая не идёт ни на какие уступки.

Научные станции добавляют холод другого рода: холод иерархий. Здесь женщина — редкость, аномалия, которая должна приспособиться или погибнуть.

В этом месте понятия «исчезновение» не существует. Есть только белое, которое стирает всё.

Женщины инуитов и юпиков

Арктическую девочку не балуют: её готовят. Она рано учится выдерживать холод, темноту и голод. Она должна стать полезной для рода, потому что здесь идентичность не личная. Она функциональна. Женщина несёт на себе бремя семьи и общины: еда, огонь, дети, шкуры, забота. Никто не говорит о правах. Никто не говорит о хрупкости. Депрессия существует, но у неё нет имени. Насилие существует, но у него нет свидетелей.

Женщина научных станций

Образованная, компетентная, привыкшая к дисциплине. Она приезжает как исследовательница, техник, врач. Она быстро обнаруживает, что Северный полюс не признаёт дипломов. Здесь важна только душевная стойкость. Над ней господствуют мужские иерархии, и любой признак слабости толкуется как слабость. Это среда, где силы недостаточно: нужен предельный самоконтроль.

Западная женщина «извне»

Выросшая на свободе, она приезжает в уверенности, что сможет покорить холод. Но это место её ломает: одиночество, крошечные пространства, бесконечное молчание. Станции — не общины, это механизмы. И женщина внутри механизма,

придуманного мужчинами, должна бороться, чтобы не исчезнуть.

Путешествие на край света

Мой сосед Антонио, которого все звали Нино, годами говорил о Нордкапе, о полуночном солнце, о месяцах без темноты. Это была мечта, которую он носил в кармане, как что-то невозможное. Однажды майским утром я позвонил в его дверь и сказал только одно: «Собирай чемодан. Я вернусь через час. Вернёмся через 30 дней». Он посмотрел на меня удивлённо, счастливо. Его жена, встревоженная, спросила, что мы задумали. «Гнаться за мечтой», — ответил я.

Мы сели в машину. Наши жёны смотрели на нас как на сумасшедших. Но эта поездка была настоящей. У Нино уже было полно вопросов. «Куда мы едем? Сколько денег взять?» «Расслабься, — сказал я ему. — Через 54 часа будем на месте. Всего 5000 км. Мы в новом Range Rover. Наслаждайся дорогой».

Каждые 300 км мне приходилось останавливаться: он, на двенадцать лет старше меня, жил в своём ритме. У меня были вода и напитки; у него — кофе и физические потребности. И чем дальше мы ехали, тем больше он рассказывал о своей жизни. О таких вещах, которых я никогда бы не узнал, если бы не эта бесконечная дорога.

Двое мужчин одни в машине всё время говорят о женщинах. Он знал только свою жену. Я смеялся. Я его успокоил: «Мы такие же».

Он спросил, как мне удаётся не сойти с ума, ведя машину 60 часов. Я рассказал ему о России, когда в 22 года я проехал за рулём 51 час, чтобы встретиться с женщиной, которую

никогда не видел. «Расстояния — не пределы, — сказал я ему. — Это отговорки. У меня их никогда не было».

Прибытие в белое

Мы въехали в Норвегию. Хостел у дороги. Машину мы оставим там и дальше поедem на санях.

Проводник был закутан с головы до ног, непроницаем. Когда он снял очки, я обнаружил, что это женщина. Норвежка, молчаливая, прямая, ледяная. Нино посередине саней, она впереди, я со своими 190 см сзади, замыкающим.

Было ещё светло. Часы показывали время, но не говорили, ночь сейчас или утро. Это было полуночное солнце. Мы добрались до Нордкапа.

Нино плакал. Он обнял меня. Я сказал ему со смехом: «Осторожно... люди могут подумать, что мы геи». Мы смеялись, но мы были на краю света.

Потом пришёл мороз: -52°C .

Вход в настоящую Арктику

Нас отвели в металлический контейнер переодеться. Невероятно тяжёлые стёганные комбинезоны, застёгнутые на сложные молнии.

Я заплатил проводнице. Нино оставили в иглу с какими-то мужчинами; меня — в другом, с семьёй: старик лет семидесяти-восемидесяти и три женщины от тридцати до пятидесяти.

Это был замкнутый мир. Простой. Жестокий.

Мужчина держался в стороне. Женщины задавали ритм. А туалетом служил холмик в пяти метрах от иглу: какашки замерзали, не успев коснуться земли. Моё первое пи-пи превратилось в жёлтую арктическую звезду. Это Север со мной здоровался.

Женщина средних лет, Маги, немного говорила по-английски. Остальное — жесты, глаза, руки. Язык холода.

Когда я не понимал, как пользоваться комбинезоном, она, не задумываясь, коснулась моего паха, чтобы показать скрытую молнию. Ни злого умысла, ни смущения: только функция. Выживание.

Три дня в иглу

Принесли еду. Копчёную рыбу, сырую рыбу, печень трески, китовое брюхо. И шарики из акулы. Выбора не было. Альтернативы не было. Это было то, что даёт природа.

Потом я выпил красную жидкость. Я думал, это вино. Это была процеженная, прокипячённая, подслащённая китовая кровь. Я её выпил. Она дала мне силу, какой я никогда раньше не чувствовал. Первобытную энергию. Я подумал, что это кокаин. Нет. Это Север входил в тело.

Женщины наблюдали за мной. Старик уходил на охоту. Я отдыхал и пил кровь. Три дня без телефона, интернета, компьютера, без Нино. Только я и они.

Ночи не было. Только свет, огонь, лёд и дыхание.

Три женщины легли спать. Я искал себе место. Самая молодая подняла руку и знаком позвала меня ближе. Они расхохотались. Я не понимал. Они сказали, что я их «Рождество».

Так они говорили, что меня приняли.

Я попытался дать им немного денег в благодарность. Они отказались. Они хотели только объятий. И нескольких слов по-калабрийски, чтобы почувствовать себя ближе.

Там я понял цену настоящих подарков: тех, что нельзя ни купить, ни продать.

Прощание проводницы

Через три дня приехала проводница. Она целый час говорила с тремя женщинами. Я был снаружи. Я не понимал, о чём они говорят. Это было не моё дело. Это был их язык, их мир, их закон.

В контейнере, пока я раздевался, вошла проводница. Любопытная. Прямая. Северная. Она крепко меня обняла. Она меня поцеловала. Её кожа была белой, как молоко. Её глаза были синими, как августовское небо.

Она попросила увезти её. Она сделала бы что угодно, лишь бы выбраться из этого мира.

Я уважительно улыбнулся. Я не мог. Я не должен был.

Я оставил ей только одно обещание: «Если тебе что-нибудь понадобится, напиши мне письмо. Я помогу». Она отказалась даже от денег. Она была красивой женщиной, но одинокой. Одиночество, которого не видно издалека. Одиночество, которого холод не прощает.

Возвращение домой

Мы поехали забрать Нино. Он был в восторге. Он не хотел возвращаться. Но у меня была встреча с его женой.

Он всем рассказывал о своих трёх днях. Я молчал. Я никогда ничем не делился с женщиной. Только с бумагой.

И вот, пока Нино возвращался в свой мир, я уже был на пути в другой. Другое место назначения. Другая встреча.

Добро пожаловать.

Эпилог

Север не забирает тебя: он тебя меняет. И никогда

не возвращает целым. Мужчины приезжают на Северный полюс в поисках света, тишины, фотографий, мечтаний. Женщины остаются, чтобы выжить.

Мужчины рассказывают о том, что видели. Женщины молчат о том, что пережили.

Мужчины возвращаются. Женщины остаются. Они остаются в холоде, в снежных домах, в неслышанном молчании. Они остаются, чтобы держать на себе общины, которые их не чествуют. Они остаются, чтобы защищать детей, стариков, чужаков. Они остаются невидимыми.

Оттуда я увёз только одно воспоминание: красивая, невероятно красивая женщина, но одинокая. Не в романтическом смысле. В человеческом. В трагическом.

Размышление

Север не убивает тело. Он убивает присутствие. И остаётся белое: место, где женщины живут и исчезают одновременно.

Вот почему я пишу. Потому что крайние места не рассказывают свою историю сами. А те, кто через них

проходит, не могут позволить себе роскошь молчать.

Только не я. Только не я. Моя земля меня родила, а остальной мир принимает меня не как гостя, а как члена семьи.

Из абсолютной белизны Севера я спустился в абсолютную неразбериху Соединённых Штатов.

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Невозможное задание

Восемнадцать лет работы в американской компании дают то, чего не даст ни одна другая компания в мире: рабочую культуру, процедуры, ясную миссию и систему ценностей, которые не теория — это ежедневная практика. Тебе их не объясняют; их в тебе выстраивают. И делают это, не спрашивая твоего разрешения.

Я был в нью-йоркском офисе, когда мне предложили работу, какую я и вообразить не мог. Не повышение. Не перевод. Эксперимент.

Конфиденциальная программа, созданная, чтобы проверить модель человеческих отношений внутри Соединённых Штатов. Выбирали не менеджеров, не психологов, не тренеров. Выбирали людей с определённым опытом реальной жизни. И всплыло моё имя — хотя я восемнадцать лет проработал в продажах. Смотрели не на должность: смотрели на ум.

Задание было просто объяснить и невероятно трудно выполнить:

за один год объехать 50 американских штатов, самому выбирая города и оставаясь в каждом не меньше недели.

Последние две недели — принудительный отпуск. Все расходы они брали на себя. Мне оставалось только жить, наблюдать, понимать и каждый понедельник сдавать отчёт. Человеческий, сухой, точный отчёт.

Я подписал контракт. Предупредил домашних. Они ни о чём не спросили. Им только хотелось знать, пришли ли деньги на месяц. Мне предстоял год в Америке. Им, как всегда, — следующий месяц.

На всякий случай зарплату перечисляли прямо на мой банковский счёт в Италии. Это был вежливый способ сказать мне: «Не делай глупостей. Живи на то, что есть. Посмотрим, кто ты на самом деле».

Только пятнадцать лет спустя я получил доступ к своим исходным отчётам, к анализам и к материалам, которые обо мне собрали. Отсюда и родилась эта книга. Я получил разрешение её опубликовать при одном условии: никогда не называть компанию, которая её заказала.

Это не важно. Эта история не о логотипах. Она о человеке в стране, которую невозможно понять, пока не проживёшь её сам.

Начать с самой дальней точки?

Логичнее всего было начать с окраин, а не с центра. По двум простым причинам:

1. Я только что вышел из эксперимента: высокая ясность, предельное внимание.

2. Начав с крайней точки, я мог по ходу скорректировать курс и чисто завершить путь.

Мне не нужно было начинать с Бостона или Чикаго. Начинать надо было с границы. С места, которое было Америкой только на бумаге.

Я выбрал Джуно, столицу Аляски. Изолированную. Добраться туда можно только на корабле или самолёте. Город, который никому не принадлежит. Идеальное место для начала.

Оптимизировать ресурсы

Перед отъездом я сделал то, что американец уважает прежде всего: организовался как профессионал, а не как турист.

Я позвонил в три самые популярные авиакомпании, с самыми большими внутренними сетями. Меньше чем за час я купил книжку на пятьдесят внутренних перелётов со скидкой 60%.

Без ограничений по времени. Без ограничений по дням. Без запретов. Только одно условие: использовать их в течение года.

То же самое я сделал с сетями отелей, такси Uber и компаниями по прокату машин, а потом составил настоящий план этапов, способов передвижения, но не сроков.

Я был готов.

Это был мой первый настоящий успех. Первый знак того, что я умею двигаться. Америка вознаграждает тех, кто действует, а не тех, кто ждёт.

Когда компания увидела эту операцию, она сделала то, что всегда делает американская культура: проверила надёжность.

Способен ли я выдержать год постоянного движения?
Способен ли справляться с неожиданностями, расстояниями,
чрезвычайными ситуациями? Самостоятелен ли я?

Поэтому перед отъездом я уладил ещё одну важнейшую
деталь:

я добился, чтобы месячный лимит моей кредитной карты был
не меньше 100 000 долларов.

Не для того, чтобы их тратить. Для того, чтобы показать, что
мы способны ими управлять. Американцы думают так: если у
тебя нет самостоятельности, у тебя нет свободы. А если у тебя
нет свободы, тебя нельзя оценить.

С этого момента программа перестала быть заданием. Она
стала миссией.

А ТЕПЕРЬ — НАСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Аляска входит в Соединённые Штаты только по географии.
Это другой мир.

Это место, где женщины исчезают бесследно. Где жалоба
никогда не доходит до адресата. Где города — лишь островки
цивилизации посреди дикого континента.

Джуно был моим первым испытанием: столица, у которой нет
дорог, связывающих её с остальной страной. Кусок Америки,
который не ощущается как Америка.

Здесь я начал кое-что понимать: путешествие будет не
географическим. Оно будет человеческим.

БЛОК 1 (Том I)

Алабама – Аляска – Аризона – Арканзас – Калифорния – Колорадо – Коннектикут – Делавэр – Флорида – Джорджия

БЛОК 2 (Том II)

Гавайи – Айдахо – Иллинойс – Индиана – Айова – Канзас – Кентукки – Луизиана – Мэн – Мэриленд

БЛОК 3 (Том III)

Массачусетс – Мичиган – Миннесота – Миссисипи – Миссури – Монтана – Небраска – Невада – Нью-Гэмпшир – Нью-Джерси – Нью-Мексико

БЛОК 4 (Том IV)

Нью-Йорк – Вашингтон

БЛОК 5 (Том V)

Северная Каролина – Северная Дакота – Огайо – Оклахома – Орегон – Пенсильвания – Род-Айленд – Южная Каролина

БЛОК 6 (Том VI)

Южная Дакота – Теннесси – Техас – Юта – Вермонт – Вирджиния – Западная Вирджиния – Висконсин – Вайоминг

КЕНТУККИ

Кентукки — штат, который существует в двух измерениях: на поверхности — угольные шахты, виски, лошади и зелёные холмы; в глубине же — давняя бедность, изолированные общины, суровая религия и редкие возможности.

Это земля, которая уже не сельская, но ещё и не современная. Подвешенная. Медленная. Уставшая. А когда земля подвешена, держат её женщины.

В Кентукки женщина исчезает не из-за какого-то события. Она исчезает из-за социального наследия, которое поколениями требует от неё жертвовать собой. Семья, дети, ненадёжная работа, церковь, соседи, чужие проблемы — всё это на их плечах. Её отсутствие — не шум. Это тяжесть.

Женщина из бывших шахтёрских районов — 41

год

Уголь построил Кентукки и разрушил его. Шахты закрываются, мужчины теряют работу, растёт зависимость от химии, расползается бедность.

Здесь женщины держат на себе последствия. — мужа без работы — дети, выросшие во фрустрации — исключительно низкие зарплаты — передозировки, которые уносят друзей и родственников — доведённые до предела общины.

Они работают в магазинах, школах, сфере услуг, помощницами и сиделками. Они делают всё, чего сломанные экономические системы больше не делают.

Её отсутствие — социальное: не будь этой женщины, штат бы рухнул. Но никто её не признаёт.

Женщина Дерби и конюшен — 36 лет

Кентукки знаменит своими лошадьми и Дерби. За этой элегантной картинкой стоит армия женщин, которые чистят конюшни, ухаживают за животными, выходят в ранние смены и работают за смешные деньги.

Блеск — впереди. Пот — сзади.

Её отсутствие — экономическое: без неё отрасль не работает, но она остаётся винтиком, которого не замечают ни публика, ни политики.

Женщина в плену религии — 48 лет.

Во многих округах Кентукки у церкви больше власти, чем у государства.

Женщина должна быть: — матерью — женой — образцом морали — почтенным присутствием — послушной общине.

Она не может выйти из своей роли. Не может начать заново. Не может выразить сомнения или слабость.

Её отсутствие — культурное: она не принадлежит себе. Она принадлежит религиозному повествованию этого места.

Женщина минимальной зарплаты — 29 лет

Кентукки держится на низкооплачиваемой работе. И вся эта работа — женская.

Кассирши, официантки, уборщицы, работницы домов престарелых, помощницы в школах. Жизни, съеденные ненадёжными сменами, дорогим бензином, детьми, которых надо растить, и нулевыми перспективами.

Её отсутствие — экономическое и душевное: она не видит выхода, и никто ей его не предлагает.

Эпилог — Кентукки

Кентукки — мозаика традиции, бедности, религии и лишений. Женщины — его хребет. И именно поэтому они становятся

невидимыми.

Отсутствие здесь — коллективная привычка. Образ жизни. Ложная норма, которую никто никогда не ставит под сомнение.

Размышление — Кентукки

Каждый штат показывает своё лицо отсутствия. Кентукки показывает то, что рождается из экономического краха и традиции, цепляющейся за прошлое.

Здесь женщина держит всё, что потеряли мужчины, всё, что навязывает религия, всё, что закрепляет бедность.

Она — сильное звено, но с ней обращаются как со слабым.

И именно поэтому этот штат нужен в томе: чтобы показать, что происходит, когда общество взваливает всё на плечи женщин, а потом ведёт себя так, будто это нормально.

ЛУИЗИАНА

Луизиана — штат яростных контрастов. Это культура, музыка, история, кухня, духовность и идентичность. Но это и бедность, нестабильность, зависимости, расовое неравенство, разрушительные ураганы, беспорядочная политика и хрупкая социальная система.

Это место, где красота сосуществует с уродством, без равновесия. У всего здесь две стороны: Новый Орлеан — праздник и травма, Батон-Руж — политика и упадок, а сельские приходы — община и изоляция.

Женщина в Луизиане исчезает не случайно. Она исчезает, потому что она — единственная устойчивая фигура на

неустойчивой земле. И эта устойчивость её съедает.

Её отсутствие — результат трёх тяжёлых факторов: — глубоко укоренившаяся бедность

– циклические экологические катастрофы

– жёсткий культурный патриархат.

Здесь женщины управляют семьями, кварталами, целыми общинами. И пока все остальные на виду, она тускнеет.

Женщина из Нового Орлеана — 35 лет

Новый Орлеан — это музыка, праздник, хаос и история. Но это и один из самых сложных и трудных городов страны.

Женщина, которая здесь работает, живёт сразу на трёх фронтах: — хищнический туризм — городское насилие — нестабильная экономика

Работает в: — барах — отелях — ресторанах — туристических турах — государственных службах — живой музыке — ночной жизни

Обязательные улыбки. Низкие зарплаты. Высокая аренда. Тяжёлые клиенты. Изматывающий график.

Её отсутствие — моральное: город использует её энергию и возвращает её опустошённой.

Все хотят «магии» Нового Орлеана. Никто не платит тем, кто её создаёт.

Афроамериканка из бедных приходов —

42 года За пределами Нового Орлеана лежит сельская и обнищавшая Луизиана. Маленькие дома, слабые школы,

минимум услуг и смешные зарплаты. Афроамериканка здесь играет сразу три роли: – работница – мать – социальная опора общины.

Она работает везде, где может: – в домах престарелых – в круглосуточных магазинах – на кухнях фастфуда – на уборке – в неформальном уходе.

Без неё община не функционирует. И всё же она живёт с низкими зарплатами, хроническим стрессом, скудной медициной и постоянным присутствием домашнего насилия.

Её отсутствие — историческое: оно происходит от той же структуры, которая поколениями всегда ставила её на нижнюю ступень социальной лестницы.

Женщина, которая переживает ураганы, — 39

лет

В Луизиане не бывает «стабильной» жизни. Ураганы меняют всё: разрушенные дома, потерянная работа, разлучённые семьи, утраченные воспоминания.

Женщина — та, кто: – эвакуирует детей – спасает документы – отмывает дом, залитый водой – начинает с нуля – разбирается со страховками, которые платят поздно или никогда – сохраняет в семье спокойствие, пока внутри у неё всё рушится.

Для мужчин восстановление — физическое. Для женщин — психологическое. Год за годом.

Её отсутствие — экологическое: каждый шторм уносит часть её энергии, пока почти ничего не остаётся. Никто ей этого не возмещает.

Женщина тяжёлых традиций — 51 год

Луизиана живёт сильными, глубоко укоренившимися, почти священными традициями.

Женщина должна быть: — идеальной матерью — хранительницей дома — опорой большой семьи — присутствием в церкви — сиделкой для стариков — наставницей для малышей — несущей конструкцией всего.

Это древняя роль, которую никогда не обновляли.

Она не может отказать в семейных просьбах. Не может возразить. Не может сказать «нет». Не может думать о себе, не чувствуя вины.

Её отсутствие — культурное и эмоциональное: она так занята тем, чтобы поддерживать всех, что исчезает для самой себя.

Эпилог — Луизиана

Луизиана — смесь красоты и незаживших ран. И среди этого обыденного хаоса женщины держат всё вместе: семью, работу, общину, традиции, эмоциональное выживание.

Их отсутствие — парадокс: чем больше они делают, тем меньше их видят.

Луизиана стирает женщин не одной силой. Она стирает их тысячей мелких повседневных сил: бедностью, ураганами, туризмом, расовой историей, семейными ролями, отсутствием поддержки.

Это медленное, глубокое, тихое стирание.

Размышление — Луизиана

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Луизиана показывает ту, что вызвана: — природными катастрофами — социальными катастрофами — семейными катастрофами.

Это штат, где женщина выживает ради всех, но никто не выживает ради неё.

Это штат, где травма становится рутиной, а рутина — идентичностью.

Луизиана показывает, что отсутствие женщин — это не только бедность или нехватка прав. Это ещё и усталость, настолько глубокая, что её уже никто не замечает.

И поэтому эта глава так важна: чтобы помнить, что за каждой открыткой из Нового Орлеана стоит женщина, которая держит то, чего мир не видит.

МЭН

Мэн — один из самых красивых и суровых штатов Америки. Бескрайние леса, холодные побережья, маяки, рыбацкие посёлки и огромная тишина. Это романтическая земля только для тех, кто приезжает в гости. Для тех, кто там живёт, это чистая изоляция.

Население редкое, расстояния длинные, зимы длятся месяцами, возможностей мало. Мэн не нападает на тебя: он тебя съедает.

Женщины здесь исчезают по трём причинам: — географическое одиночество — нестабильная сезонная работа — маленькие общины, которые душат перемены. Это штат, где

господствует природа, а человек приспосабливается. Всегда. Слишком.

Женщина Мэна падает не от удара. Она падает от повторения.

Женщина рыбацких посёлков — 39 лет

Побережье Мэна живёт рыбалкой: омары, треска, короткие сезоны и тяжёлый труд.

Женщина здесь управляет всем, чем не занимается лодка: — координацией — сетями, которые надо чинить — продажами — семейной бухгалтерией — семьёй — домом — внезапными бедами.

Море красиво издалека. Вблизи оно — беспощадный хозяин.

Её отсутствие — и экономическое, и физическое: она живёт в отрасли, где заработок зависит от погоды, сезона и удачи. А когда сезон кончается, кончается и уверенность.

Женщина, которая живёт в долгой зиме, — 52

года

Мэн зимой — это стена: снег, мороз, темнота, бесконечная тишина.

Во внутренних районах — Миллинокет, Гринвилл, Озёрный край — женщины сталкиваются с: — месяцами без настоящих человеческих контактов— опасными дорогами— одинокими домами— скудной медициной— повсеместной сезонной депрессией— удалённостью от самых необходимых служб

Если она больна, она ждёт. Если ей нужен врач, она часами едет за рулём. Если она эмоционально ломается, никто её не

видит. Её отсутствие — географическое: она исчезает, потому что далека от всего.

Женщина сезонной работы — 28 лет

Летом Мэн взрывается: туризм, V&V, рестораны, круизы.

Женщина здесь работает без усталости: — обслуживает — убирает — готовит — встречает — управляет — наводит порядок.

Это тяжёлая, плохо оплачиваемая, нестабильная работа. Она длится три месяца, а потом — ничего.

От изнурительных смен — к пустым неделям. От денег, которые текут быстро, — к месяцам выживания.

Её отсутствие — экономическое: она всегда живёт между двумя сезонами, но не принадлежит ни одному.

Женщина маленьких общин — 46 лет

Маленькие города Мэна — закрытые общины: все знают всё обо всех, и никто никогда по-настоящему не меняется.

Женщина здесь должна быть простой и понятной: — матерью — стабильной работницей — надёжным присутствием — «хорошим человеком» по местным меркам.

Она не может начать заново. Не может легко сменить работу. Не может покинуть общину, не став объектом осуждения.

Её отсутствие — культурное: она принадлежит территории больше, чем себе. Она пленница не злобы, а привычки.

Эпилог — Мэн

Мэн — штат, который молча на тебя смотрит. А тишина, когда её слишком много, становится грузом.

Женщины здесь исчезают в расстояниях, сезонах, повторяющихся ролях, ненадёжной работе, закрытых посёлках, долгих зимах.

Отсутствие не бросается в глаза. Оно под кожей. Оно — повседневность.

Мэн не бьёт. Он тебя отпускает.

Размышление – Мэн

Каждый штат обнажает свою форму отсутствия. Мэн обнажает ту, что рождена географией:

чем прекраснее земля, тем тяжелее тем, кто на ней живёт.

Здесь женщину стирает не конфликт, а тишина. Повторение. Расстояние. Холод, который никогда не проходит. Жизнь, которая сжимается.

Мэн учит одному: женское отсутствие может быть и пейзажем. Картой. Временем года, которое никогда не кончается.

И поэтому эта глава необходима: потому что Америка — это не только насилие или хаос. Это ещё и тишина, которая поглощает.

МЭРИЛЕНД

Мэриленд — обманчивый штат. Маленький, выходящий к Атлантике, рядом с Вашингтоном. Элегантный снаружи, сложный внутри.

Это территория, расколота надвое: – богатые, образованные, защищённые, упорядоченные пригороды – трудные, бедные

города, отмеченные преступностью и заброшенностью.

Это один из штатов с самым высоким средним доходом в Америке и в то же время один из штатов с самым явным неравенством.

Женщины здесь исчезают не по одной причине. Они исчезают из-за слишком многих миров, к которым должны приспособливаться: мегаполис, пригороды, политика, здравоохранение, городская бедность, расовая идентичность.

Отсутствие женщин в Мэриленде многолико.

Оно меняется в зависимости от почтового индекса.

Женщина из Балтимора, 34 года

Балтимор — один из самых сложных городов Соединённых Штатов: укоренившаяся бедность, высокая преступность, социальная изоляция, перегруженные службы и школы в зоне риска.

Здесь всё держат на себе женщины: — дети — нестабильная работа — опасные районы — непомерная стоимость жизни — медленный транспорт — отсутствие настоящей защиты.

Она работает везде, где может: супермаркеты, клиники, центры помощи, фастфуд, дома престарелых, уборка. Её отсутствие — городское: город говорит о «реновации», но никогда не начинает с её жизни.

Система видит её только тогда, когда она нужна как рабочая сила. Она исчезает, когда речь заходит о признании её прав.

Женщина из богатых пригородов, 42 года

Богатая часть Мэриленда безупречна: дома как из кино, высокие доходы, элитные школы, амбициозные карьеры, крепкие семьи.

Женщина здесь исчезает по другой причине: из-за давления совершенства.

Это среда соперничества, где женская роль должна быть безупречной: – полное управление семьёй – высокий социальный статус – идеальные дети – обязательное волонтерство – параллельная работа или карьера, которая никогда не должна «затмевать» партнёра.

Она живёт в мире, который хочет, чтобы она всегда была рядом, никогда не сдавалась, никогда не показывала усталости.

Её отсутствие — вопрос идентичности: община видит в ней роль, а не человека.

Афроамериканка из Центрального

коридора, 45 лет. В Мэриленде одна из самых больших и влиятельных афроамериканских общин Соединённых Штатов.

Женщины здесь — движущая сила общества: – они работают в здравоохранении – они работают в школах – они руководят офисами и государственными учреждениями – они держат вместе большие семьи – они поддерживают целые общины. Но она живёт с двойным грузом: расовым и женским.

Она делает всё. Она держит всё. Она появляется везде. Но её редко слушают.

Её отсутствие — политическое: она поддерживает штат, но не сидит за столами, где принимаются решения.

Женщина, которая работает в здравоохранении, 37 лет

Мэриленд — один из штатов с самым большим числом женщин-медиков благодаря близости к Вашингтону и крупным региональным больницам.

Женщины здесь живут внутри системы, которая никогда не перестаёт требовать: — бесконечные смены — перегруженные отделения — одна экстренная ситуация за другой — огромная ответственность — почти никакой психологической защиты — зарплаты, которые не возмещают эмоциональной цены.

Это она лечит всех: стариков, детей, хронически больных, городские происшествия, экологические катастрофы.

Её отсутствие — рабочее: она незаменима, но её голос почти ничего не весит в решениях о здравоохранении.

Эпилог — Мэриленд

Мэриленд — штат, построенный на резких контрастах: крайнее богатство и крайняя бедность, большая политика и брошенные районы, блестящие карьеры и самая простая работа. Женщины здесь проживают все эти противоречия одновременно. В каждой части Мэриленда своя форма стирания: городская, социальная, идентичностная, расовая и медицинская.

Их отсутствие — коллективный итог: штат работает, потому что они держатся.

И именно поэтому их не видят.

Размышление – Мэриленд

Каждый штат показывает свой оттенок женского отсутствия. Мэриленд показывает самый сложный: женщины есть на каждом социальном уровне, но их не замечают именно там, где система обретает форму.

Здесь женщины — это: — опора богатых пригородов— двигатель чёрных общин— та, кто обеспечивает здравоохранение— выживание бедных районов.

И всё же её не признают политической силой, не ставят в центр стратегий, не защищают.

В Мэриленде отсутствие — это не бедность и не одиночество. Это несоразмерность: женщины отдают больше, чем штат им возвращает.

И поэтому оно находит своё место здесь, в этом томе.

МАССАЧУСЕТС

Массачусетс — один из самых умных штатов Америки. Элитные университеты, больницы мирового уровня, исследовательские центры, технологии и инновации. Снаружи он кажется одним из самых передовых и «правильных» мест в стране: высокое образование, высокие доходы, современная политика и полный набор услуг.

Но правда сложнее.

Массачусетс — территория двух скоростей: — те, кто принадлежит к кругам знания — те, кто остаётся за этими дверями.

Это штат, который говорит о прогрессе, но живёт под огромным культурным давлением. И это давление медленно раздавливает присутствие женщин.

Женщины здесь исчезают не от нехватки того, что у них есть. Они исчезают от избытка ожиданий: карьера, семья, высокие стандарты, постоянная результативность, идеальные социальные образцы.

Отсутствие женщин в Массачусетсе — современное, образованное, утончённое — и опустошающее.

Женщина элитного университета, 33 года

Массачусетс — академическое сердце планеты. Будущее знания решается внутри этих кампусов.

Исследовательница приходит туда с исключительными способностями, но оказывается перед системой, которая требует:

— публиковаться без остановки — соревноваться с коллегами, у которых есть покровители — проводить конференции, семинары, крупные мероприятия — всегда сохранять блестящий образ — годами отказываться от личной жизни

Среда кажется прогрессивной, но позиции власти остаются мужскими. Тот, кто занимается наукой, дышит воздухом совершенства... и истощения.

Её отсутствие — институциональное: она производит знание, но редко командует.

Мигрантка в уборке и общепите, 29 лет

За пределами своих открыточных кампусов Массачусетс держится на труде мигрантов: латиноамериканки, гаитянки, бразильянки, кабовердианки, африканки.

Это они: – убирают офисы элиты – готовят в университетских столовых – работают сменами в отелях – ведут кухни бостонских ресторанов – ухаживают за стариками – присматривают за чужими детьми.

Тяжёлая жизнь, низкие заработки, заоблачная аренда.

Её отсутствие — экономическое и политическое: она держит на плаву самый образованный город Америки, и никто её не признаёт.

Женщина клиник и больниц, 41 год

Массачусетс — центр передовой медицины. За громкими именами стоят тысячи женщин: медсёстры, техники, персонал отделений, ассистентки и вспомогательный персонал.

Невозможные смены. Постоянный стресс. Огромная ответственность. Трудные пациенты. Запредельная стоимость жизни. Мало отдыха.

Её отсутствие — рабочее: она двигатель лучшей медицины Америки, но система видит в ней не человека, а только функцию.

Женщина из трудных районов, 35 лет

За богатыми кампусами и пригородами в Массачусетсе есть настоящая, жестокая бедность, невидимая для медиа.

Женщина, которая здесь живёт, сталкивается с: – неподъёмной арендой – слабыми школами – повсеместным насилием – нехваткой услуг – ненадёжным транспортом – низкооплачиваемой работой – структурной расовой дискриминацией.

Она выживает каждый день.

Её отсутствие — городское: она не вписывается в «идеальный» рассказ о Массачусетсе, поэтому система её не замечает.

Эпилог – Массачусетс

Этот штат — очевидный парадокс: чем он образованнее, тем больше ждёт, что женщины справятся со всем.

Отсутствие здесь — не невежество. Это сверхсовершенство. Это убеждённость, что на развитой земле «всё будет хорошо».

Не всё хорошо.

Женщины несут огромный и невидимый груз: академический, медицинский, семейный, экономический.

Массачусетс работает, потому что работают они. И именно поэтому они исчезают.

Размышление – Массачусетс

Каждый штат показывает свою рану. Массачусетс показывает ту, что спрятана под его культурой.

Здесь женщин стирают не потому, что у них нет возможностей. Их стирают потому, что возможностей слишком много, и никто не защищает их, когда они с ними сталкиваются.

Это современное стирание: без насилия, без шума, без очевидности. Но полное.

И поэтому Массачусетс — необходимая глава: чтобы помнить, что прогресса мало, если он по-настоящему не освобождает тех, кто его держит.

МИЧИГАН

Мичиган — скелет индустриальной Америки. Штат, который создал автомобиль, который построил саму идею американского рабочего класса — и который видел, как всё это развалилось. Закрытые заводы, опустевшие города, брошенные районы, отравленная вода, зависимости, стареющая инфраструктура, урезанные зарплаты.

Это штат, который пережил взлёт, упадок и сопротивление. И через всё это женщины вынесли то, что мужчины уже не могли выдержать.

Мичиган не стирает женщин разом. Он поглощает их день за днём тремя силами: — рушащаяся промышленность — пустеющие города — экологические беды, которые отравляют всё. Отсутствие женщин здесь — итог сломанной экономики, которая продолжает требовать, почти ничего не давая.

Женщина из Детройта, 38 лет

Детройт — мировой символ промышленного краха. Пустые районы, брошенные дома, слабые службы, недофинансированные школы и бедность, ставшая историей.

Женщины здесь живут с: — нестабильной работой — ненадёжным транспортом — повсеместным насилием —

непомерными расходами – отсутствием прочных социальных связей – полной ответственностью за семью.

Она работает там, где найдёт: супермаркеты, клиники, колл-центры, рестораны, местные кооперативы.

Её отсутствие — городское: город, знаменитый на весь мир, но не смотрящий на тех, кто держит его на ногах.

Детройт празднует свою промышленную историю. Он не празднует женщин, которые пережили его крах.

Женщина из Флинта, 34 года

Флинт — национальная рана. Годами отравленная вода, отравленные дети, семьи, преданные государством.

Женщина здесь прожила скандал на себе: — она готовила на ядовитой воде — она мыла детей опасной водой — она боролась с учреждениями, которые отрицали очевидное — она вела дом с огромными санитарными проблемами — ей приходилось выбирать между оплатой счетов и покупкой воды в бутылках. Её отсутствие — экологическое: государство провалилось, а заплатила она.

Флинт — не просто трагедия. Это пример того, как мало в Америке значит жизнь бедной женщины.

Женщина бывших заводов, 46 лет

Когда-то заводы Мичигана давали стабильность: достойную зарплату, дом, семью, будущее.

Потом всё рухнуло: перенос производства за границу, роботизация, закрытия, массовые увольнения.

Женщинам здесь пришлось быстро начинать заново: – супермаркеты – уход за людьми – уборка – мелкие услуги – неполный рабочий день – смены с перерывами.

От тяжёлой промышленности к ежедневной неуверенности.

Её отсутствие — экономическое: она потеряла безопасность, потеряла перспективы, потеряла защиту, которая была у неё, когда автомобиль правил миром.

Сельская женщина, 50 лет

Сельский Мичиган огромен: озёрные края, леса, оторванные общины, маленькие неспешные городки.

Женщина здесь сталкивается с: – суровыми зимами – зависимостями, которые поражают мужей и детей – далёкой медициной – сезонной работой – одиночеством – почти несуществующим транспортом.

Это жизнь постоянного приспособления. Ни поддержки, ни роста, ни прочных связей. Её отсутствие — географическое: она исчезает в километрах, в тишине, в рутине выживания.

Эпилог – Мичиган

Мичиган — штат, который несёт шрамы прошлого и последствия настоящего.

Женщины держатся: Детройт, Флинт, сельские районы, бывшие заводы, трудные кварталы, стойкие семьи.

Но, держась, они исчезают: – среди рушащейся инфраструктуры – среди загрязнённой воды – среди нестабильной работы – среди полупустых городов – среди провалившихся экономик.

Мичиган празднует своё славное прошлое. За настоящее платят женщины.

Размышление – Мичиган

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Мичиган показывает ту, что рождается из хрупкости структур: когда падает завод, падает община. А когда падает община, на ногах остаётся женщина — одна.

Отсутствие женщин здесь — итог целой жизни, потраченной на то, чтобы затыкать дыры: работа, дети, жильё, экономические кризисы, экологические катастрофы, сокращение услуг и городское насилие.

Это Америка, которая больше не работает и ждёт, что женщины всё равно будут работать. И поэтому эта глава так важна.

МИННЕСОТА

Миннесота — штат, который нравится всем: озёра, природа, порядок, образование, цивилизованность, долгие зимы и «спокойная» жизнь. Вот что видят снаружи.

Изнутри всё иначе. Это штат, который полгода живёт в морозе, с общинами, которые кажутся открытыми, а на деле очень замкнуты, с городами, которые продают себя как прогрессивные, но прячут глубокое расовое напряжение, с социальной системой, которая работает лишь до тех пор, пока работаешь ты, — а женщины работают всегда.

Здесь женщина исчезает не в хаосе. Она исчезает в видимой благопристойности. В тишине. В холоде. В «мягких» ожиданиях, которые давят её сильнее, чем открытое насилие.

Миннесота не нападает. Она поглощает.

Женщина из иммигрантских кварталов, 32 года

В Миннесоте одна из самых больших и заметных иммигрантских общин Соединённых Штатов: сомалийцы, хмонги, эфиопы и латиноамериканцы. И женщины — сердце этих общин.

Они живут между двумя мирами: — культура, из которой они пришли — жёсткая и дорогая американская система. Они работают: — помощницами в здравоохранении — уборщицами — в общепите — нянями — водителями — культурными посредницами.

Они говорят на двух языках, растят детей и содержат большие семьи. Без остановки.

Их отсутствие — культурное и экономическое: они движущая сила общин, но общество относится к ним как к обслуживающему персоналу.

Они видимы как цифры, невидимы как люди.

Женщина, которая работает в социальной сфере, 38 лет

Миннесота много вкладывает в социальные службы. Но настоящую работу всегда делают женщины: в семейных центрах, образовательных проектах, приютах и государственных учреждениях.

Их называют «социальными ангелами». Это недоплаченные и перегруженные работницы.

Тяжёлые истории, которые приходится выносить, постоянные чрезвычайные ситуации, люди, которым надо помогать без нужных инструментов, постоянное управление эмоциями.

Их отсутствие — профессиональное: они поддерживают самую хрупкую часть общества, но система не в силах поддержать их.

Женщина долгих зим, 50 лет

Миннесота зимой — как другая планета: месяцы снега, обледенелые дороги, вынужденная изоляция. Во внутренних районах и маленьких городах женщины живут: — в километрах от всего — почти без медицины — в однообразной рутине — с домашними проблемами без сетей поддержки — с зимой, которая забирается даже в голову.

Когда ты далеко, ты одна. А когда ты одна в Миннесоте, никто не видит.

Её отсутствие — географическое: она исчезает в снегу, в расстоянии, в тишине.

Жизненно важные отрасли, 40 лет

Миннесота — штат, который стоит на трёх опорах: — здравоохранение — образование — продовольственное снабжение.

Три отрасли, где преобладают женщины. Долгие смены, высокая ответственность, нехватка персонала и постоянный стресс.

Это они не дают штату остановиться, когда температура падает до -25. Это они не могут не выйти на работу, даже если больны.

Их отсутствие — рабочее: они не могут остановиться, но никто не строит систему, которая бы их защищала.

Эпилог — Миннесота

Миннесота — штат холодный снаружи и тёплый снаружи. Женщины держат всё в равновесии: иммигрантские общины, социальные службы, здравоохранение, школы и оторванные от мира семьи.

Их отсутствие состоит из трёх элементов: — мороз — тишина — ответственность без признания. Нет хаоса, нет шума, нет зрелищного насилия. Есть только спокойствие, которое поглощает.

Размышление — Миннесота

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Миннесота показывает самую «вежливую»: стирание через видимую доброжелательность.

Здесь на тебя не кричат. Тебе не мешают открыто. На тебя не нападают.

Тебя просто оставляют работать одну. И работать ты должна всегда.

Миннесота — штат, где женщины становятся невидимыми не потому, что они слабы, а потому, что они слишком сильны, чтобы им помогали.

И поэтому эта глава так важна: чтобы показать, что даже у «хороших» штатов есть серьёзные отсутствия.

МИССИСИПИ

Миссисипи — сердце самого глубокого Юга. Это штат, который всё ещё несёт груз своей истории: рабство, укоренившаяся бедность, сегрегация, нехватка услуг, минимальная инфраструктура, недофинансированное образование.

Это одно из мест, где родиться женщиной значит стартовать с тремя препятствиями: — унаследованная бедность — жёсткие семейные роли — штат, который ничего не даёт. Здесь женщины исчезают не из-за какого-то события. Они исчезают, потому что живут в обществе, которое никогда не задумывалось, чтобы их защищать.

Отсутствие женщин в Миссисипи — полное: экономическое, культурное, медицинское, политическое, расовое.

Это штат, где женщины держат всё и не получают ничего.

Афроамериканка из Дельты, 40 лет

Дельта Миссисипи — одно из самых бедных мест Соединённых Штатов. Невероятно богатая культурой, музыкой и историей, но разорённая политическим безразличием, нехваткой услуг и огромным неравенством.

Афроамериканка здесь — стержень общины: — она растит детей и внуков — она работает в слабых школах — она ухаживает за семьёй — она работает сменами в домах престарелых — она убирает дома и учреждения — она поддерживает весь квартал.

Без неё Дельта рухнула бы за день.

Её отсутствие — историческое и расовое: штат никогда ни в чём не ставил её в центр. Она отдаёт всё, не получает ничего.

Женщина самых бедных сельских районов, 48 лет

Сельский Миссисипи огромен. Крошечные городки, отдалённые дома, церкви повсюду и почти несуществующие больницы.

Женщина живёт: — в милях от всего — с нелечёными хроническими болезнями — почти без транспорта — с сезонной или нестабильной работой — в старых домах, которые трудно содержать — с чувством оторванности, которое становится образом жизни.

Если случается беда, никто не приезжает вовремя.

Её отсутствие — географическое: она живёт слишком далеко, чтобы до неё добрались, и слишком бедно, чтобы её слышали.

Женщина, которая работает в самых низких сферах услуг, 33 года

Миссисипи — один из штатов с самыми низкими зарплатами в стране. И эта работа неизменно достаётся женщинам.

Женщина здесь работает: — в дешёвых сетях — в дешёвых супермаркетах — в фастфуде — в уборке — в неформальном уходе за больными и стариками — няней без оформления.

Тяжёлые смены, никаких прав, никакого стабильного графика. Она много работает, мало зарабатывает и выживает.

Её отсутствие — экономическое: без её труда Миссисипи медленно останавливается, но штат обращается с ней так,

будто её может заменить кто угодно.

Женщина в плену религиозной традиции, 55 лет

Религия в Миссисипи — не один из факторов. Это система.

Женщина здесь должна: — быть матерью — быть набожной — быть опорой семьи — быть нравственным примером — быть «сильной», даже когда она не сильна.

Она не может развестись без клейма. Она не может изменить жизнь, не вызвав осуждения. Она не может поставить себя выше семьи.

Её отсутствие — культурное и эмоциональное: её вырастили, чтобы она поддерживала всех, но её не поддерживает никто.

Эпилог — Миссисипи

Миссисипи — штат, который меняется медленнее всех. И в этой медлительности женщины теряются.

Это они держат на ходу школы, магазины, церкви, семьи и общины. Это они удерживают вместе то, что не может удержать власть.

И всё же они исчезают внутри структуры, которая никогда не считает их главными.

Отсутствие здесь — не случайность. Это традиция.

Размышление — Миссисипи

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Миссисипи показывает самую древнюю и самую жестокую.

Здесь женщины не просто невидимы. Их принимают как должное. Их считают природным ресурсом: всегда в наличии,

никогда не под защитой.

Миссисипи показывает суровую правду: когда история не меняется, самую высокую цену платят женщины.

Поэтому эта глава — одна из самых важных в томе: она показывает, что остаётся, когда государство бросает целые поколения и ждёт, что женщины их спасут.

Ferdinando Frega